

Даниил Мордовцев

**РУССКИЕ ЧАРОДЕИ
и чародейки**

*Очерки
из русской истории*

**Мнимые видения и пророчества
Один из «случаев»
Марфа-Посадница и вечевой колокол**

Даниил Мордовцев

**Чародеи и чародейки
на Руси (сборник)**

«Остеон-Групп»

1901

Мордовцев Д. Л.

Чародеи и чародейки на Руси (сборник) / Д. Л. Мордовцев —
«Остеон-Групп» , 1901

Рассказывая об инквизиторских страстях и ересь в Западной Европе, небезынтересно было бы взглянуть на положение дел в России. На наших просторах бытовали и ведьмы, и волхвы, и провидцы, о которых до сих пор хранятся записи в русских летописях и материалах уголовных судов.

© Мордовцев Д. Л., 1901

© «Остеон-Групп» , 1901

Содержание

Русские чародеи и чародейки[1]	7
Мнимые видения и пророчества	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Д.Л. Мордовцев
Чародеи и чародейки на Руси
Очерки из русской истории

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. Л. Мордовцева.

I.
Русскіе чародѣи и чародѣйки.

Историческій матеріалъ.

II.
МНИМЫЯ ВИДѢНІЯ И ПРОРОЧЕСТВА.

Бытовые очерки XVIII вѣка.

III.
ОДИНЪ ИЗЪ „СЛУЧАЕВЪ“.

Историческій очеркъ.

IV.
ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЬ.

Историческій очеркъ.

Томъ XX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Русские чародеи и чародейки¹

Хотя история русского народа и не представляет такого обилия тех возмутительных общественных явлений, коими ознаменовался переход Западной Европы от старых языческих верований и общественных порядков к новым мировоззрениям и новым порядкам, однако аналогичность явлений, которыми всегда сопровождается борьба старого и отжившего с новыми требованиями жизни, как в Западной Европе, так и в России, поразительна.

Костры, на которых вместе с такими людьми, как Гус, жгли ведьм и всяких «лихих баб» (Нехеп), настолько же освещали старой Европе путь к новой жизни, насколько виселицы, на коих вешали деятелей русской понизовой вольницы, и плети, коими секли «лихих баб» чародеек за колдовство и ведовство, стоят как бы печальными вехами при дороге, по которой русский народ не в меру медленно шел к новой жизни, к искомому, но все еще не найденному благосостоянию.

Влияние «лихих баб»-чародеек прошло через всю историю русского народа, и он до настоящего времени не может от них отрешиться, хотя, подобно тому как это было и на Западе, по временам и обращал на них всю свою ярость. Об этих случаях народной расправы с чародейками неоднократно упоминают русские летописцы. Так, избиение «лихих баб» было, в 1024 году, по случаю голода в Суздальской области. Явились кудесники и начали «избивать старую чадь бабы», объясняя народу, будто бабы держат у себя «гобино и жито»² и сводят на землю голод. Тогда народ пошел на поголовное избиение баб, так что эту бойню едва мог остановить Ярослав. Более значительное избиение баб-чародеек записано под 1071 годом. В Ростовской области был голод. Явились волхвы и говорят: «Мы знаем кто урожай держит». И пошли по Волге, указывая на «лучших» женщин, говоря: «Вот эта держит жито, а эта мёд, а эта рыбу, а эта кожи». Народ сам приводил к волхвам жен, сестер, матерей. Волхвы ловко прорезывали у несчастных женщин за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо белку. И опять началось избиение баб. Даже образованные люди старого времени верили, что «паче женами бесовская волшвления бывают» и что «в родех мнозех все жены волхвуют чародейством, и отравую, и иными бесовскими кознями, мужчины же редко прельщаются дьяволом. В 1548 году царь Иван Васильевич утопил ночью в Москве-реке нескольких «лихих баб».

Вот несколько русских процессов о «лихих бабах» конца XVIII века.

I.

В 1786 году, на крестьянском сходе экономической деревни Глотовой, Вольской округи, Саратовского наместничества, одна крестьянка, жена Прасковья Васильева Козырева, всему

¹ Материалами для составления этой статьи служили: 1) дело по уведомлению Вольского земского суда о крестьянской женке Прасковье Васильевой, судящейся за чародейство (по описи № 110, началось в 1786 году); 2) дело по уведомлению камышинского нижнего земского суда о малороссийке Аграфене Архиповой, судящейся за чародейство (по описи № 15, нач. 1793 г.); 3) дело о намерении сердобскою посадскою женкою Василисою Волынкиной к окормлению мужа своего и о давании сердобскою посадскою женкою Аграфеной Семеновой ей, Волынкиной, чемеричных корней (по описи № 322, нач. 1793 г.); 4) дело по уведомлению аткарского городского магистрата о посадском Иване Полякове, судимом за чародейство (по описи № 443, нач. 1795 г.); 5) дело по доношении саратовского городского магистрата о саратовском купце Даниле Смирнове и посадском Петре Иванове Ясыркине, судимых за чародейство (по описи № 457, нач. 1795 г.). Все эти дела извлечены нами из старого архива саратовского совестного суда.

² По М.Н.Тихомирову: Слово «гобино» обозначало изобилие или урожай. Известны были в том же значении слова «гобь», «гобзина» – изобилие, урожай. В ранних русских памятниках слово «гобино» связывалось обычно с урожаем хлеба, овощей или плодов. Это позволяет сделать вывод, что и летописное «гобино» 1024 г. – по преимуществу хлебный урожай. Поэтому слово «жито» является нужным дополнением к слову «привезоша» (привезли). Перед нами земледельческая среда, которая живет в зависимости от хлебных урожаев, погибает от голода, когда бывает плохой урожай – «гобино», оживает, когда привозят «жито», хлеб, из другой страны». (*Древняя Русь*)

мирскому сходу объявила, что «она чародейка и через чародейство разные люди ею заражены припадочною болезнью, которые и теперь оною одержимы».

По мирскому приговору всей деревни, чародейка прислана была под караулом в город Вольск³. Это была женщина лет сорока пяти.

Власти города Вольска приняли Козыреву действительно за чародейку и обратили на это дело особенное внимание. Так как «на ту женку преступление показано немаловажное, а в приводном доношении (при котором Козырева была прислана в Вольск) не означено, какие люди по чародейству находятся в болезни и какое та болезнь имеет действие, тако ж по какой причине женка Васильева учинила признание», то решено было «взять ясное на письме показание» со старосты деревни Глотовой, привезшего чародейку в город.

Староста дал такое письменное объяснение: «На святую Пасху нынешнего года вдова оной деревни Елена Степанова, пришед неведомо почему в беспамятство, кричала, что вышеупомянутая женка Васильева сделала ей по сердцам на принесенном доёмном⁴ масле вред». Староста тотчас же призвал обвиняемую на сход и при всем обществе спрашивал ее, действительно ли она испортила Елену Степанову. Но Козырева «никакого признания не сделала».

После этого прошло несколько дней. 10-го мая оказалась в деревне еще одна испорченная. Это была крестьянка Акулина Дементьева, которая «таким же образом яко безумная крича, выкликала на ту ж Козыреву». «Почему (показывал староста) всё-де общество, пришед в сумнительство, послали с известием о том в село Барановку к волостному голове Ивану Дмириеву, сыну Гущину, а после посылки еще третьей человек, показанной Акулины деверь, Евдоким Васильев начал чинить неблагопристойные поступки и в безумстве выговаривал все-народно, что та ж Козырева неизвестно почему причинила сердцу его нестерпимый вред и при том посадила ему во внутренность нечистого духа».

События эти казались до того важными, что местное начальство, действительно, явилось в Глотовку. Это был голова Гущин. Он тотчас же приказал собрать сход. Приведена была и Козырева. Сход приговорил: «Просить господина экономии директора Агарева, чтоб таковую злодейку повелел из жительства куда вывезть».

Но тут случилось неожиданное обстоятельство. «В то ж самое время вышеоглавленная женка Акулина Дементьева, прибежав на сход и в беспамятстве якобы от посаженного в нее тою Козыревою нечистого духа дерзко говорила, чтоб ту Козыреву ударить плетью три раза, и тогда-де она во всем признается». Сход сначала усомнился было, приводить ли в исполнение проект Акулины Дементьевой; однако порешили попробовать. «Почему, хотя-де та женка и видима была яко безумная, но для любопытства и удостоверения общество смелость возымело к тому приступить, и ударили ее три раза плетью».

После такого испытания чародейка повинилась, «что подлинно в вышеупомянутых людей ею посажены дьяволы, и в то же время, как она призналась, того же жительства крестьяне Алексей Симеонов с женою Афимьею Трофимовою и с сыном Степаном, снохою Настасьей Григорьевою, Иван Савельев с женою Матреною Ивановою, Степан Васильев с племянницею Марьею Федоровою, Филипп Васильев с женою Анною Леонтьевою и малолетним сыном Тимофеевым, Афанасия Иванова жена Анна Григорьева, Михайлы Степанова две снохи Акулина Павлова и Наталья Григорьева, вдовы Дарьи Федоровой сноха Авдотья Иванова, Михайлы Никифорова жена Палагея Андреева, сноха Марья Михайлова, Артемья Михайлова жена Агафья Иванова, Федор Алексеев с женою Варварою Петровою, Степана Петрова дочь Ульяна, Степана Матвеева жена Василиса Иванова да священника Николая Петрова жена

³ Вольск – город (с 1780) в России, административный центр Вольского района Саратовской области. Расположен на правом берегу Волги.

⁴ Доимать или донимать; донять что, добирать недонятое, собирать остальное; говор. о долгах, о податях, пошлинах. Донимать кого, преследовать поделом или нападками до последней крайности; дойти, доехать кого, добраться до кого. Я тебя дойму, или займу да дойму, угроза.

Федосья Федорова, таким же образом, как и прежде упомянутые, в беспамятстве кричали, будто бы от посаженных в них женкою Козыревою нечистых духов, бегали и делали всякие приличные одним только безумным непристойности, и всех оных женка Козырева просила собрать к себе для излечения, кои с великим трудом, понеже каждого не можно было удержать и пяти человекам, и собраны, и из них женка Акулина Дементьева, подойдя к Козыревой и называя ее матерью, опросила о излечении всех беснующихся, а та Козырева, подходя к каждому беснующемуся, была слегка правою рукою наотмашь в темя, отчего они и сделались кроткими и смирными. Потом велела всем им кланяться ей в ноги, и кланялись в правую ногу по два раза, а в левую по одному, и при том говорили: «Прости нас, наша мати». А она, положи их вниз лицом и сама также лежав несколько времени, шептала неведомо что, а встав, велела в последний раз себя повеселить. И по приказанию её, из числа безумных, вышедши две женки, Акулина Дементьева и Анна Григорьева, плясали и прыгали и свистали, а после женка Козырева крестьянам говорила, чтоб как на дорогах, так и на улицах не довольно людей, но даже и скота не было, дабы от выходящих из людей дьяволов не могло произойти какого вреда».

Но чародейка не остановилась на этом. «Вышедши за присмотром некоторых обывателей в поле, Козырева стала махать руками и кричала: «Выходите из рабов все нечистые духи и идите в тартарары под кумову кровать». От коих её слов, опричь Акулины Дементьевой, Афимьи Трофимовой и попадьи Федосьи Федоровой, все прочие и пришли в чувство, а в тот же самый час, по неведению происходящего, ехал навстречу женке Козыревой с поля верхом на лошади одного жительство крестьянский сын Дмитрий Иванов, и под ним лошадь неведомо отчего упала, а он, придя в чрезвычайный страх, оставя ту лошадь, едва мог прибежать в жительство, что-де и примечательно, что произошло по речам женки Козыревой от вышедших из людей нечистых духов. Потом женка Козырева всех исцелившихся послала по домам, веля помолиться Богу и положить по сту поклонов, чтоб нечистые духи не могли снова в них вселиваться. А женка Дементьева говорила «что из неё нечистый дух еще не вышел, и в дом идти опасалась. Женка же Козырева прошлась опять в поле до первого перекрестка. Но как они усомнились, чтоб она не могла бежать, то и сковали ее в железа, а в железах она уже не пошла, и как наступил уже тогда вечер, то и посадили её скованную за караулом ночевать. Поутру ж она, Козырева, призналась, что у крестьянина Михайлы Степанова и у вдовы Аграфены Васильевой испортила двух дворных собак, да у вдовы ж Елены Степановой свинью, и велела оных убить, а если-де кого они укусят, тот непременно умрет, и как свинья гналась за оной Степановою, чтоб ее укусить, то обыватели, опасаясь, чтоб и в самом деле от того не было какого вреда, как оную, так и собак убили. И та женка Козырева просила, чтоб послать за окружными священниками для чтения над беснующимися и исцелившимися евангелия, чтобы не могли войти в них нечистые духи. Почему через нарочно посланных и вызваны были священники из сел Комаровки Петр и Андрей Ивановы, из Березников Егор Иванов, и как пришли к часовне, куда и женка Козырева, будучи приведена, просила, чтоб который-нибудь из тех священников принял ее на исповедь; однако, никто на то не согласился. А женка Козырева при всех священниках всенародно каялась и говорила, что она блудница, еретица, отреклась от Сына Божия, от Пресвятыя Богородицы, от сырой земли, от солнца, от луны, от неба, от леса, от травы, от воды и от своих родителей и, скидая с себя крест, клала под пята. Посему священники, освятя воду, кропили всех бесновавшихся. Но как остальные вышеупомянутые тут же не исцелились, а женка Козырева неотступно просила об отпуске ее в поле для исцеления остальных, то и была она отпущена, а по ней скоро неведомо каким образом неприметно исцелились женка Акулина Дементьева и Афимья Трофимова. Но как женка Козырева долго не возвращалась, то за нею и послана была погоня и найдена она в селе Комаровке, а по привозе в Глотовку привезена была в дом священника Николая Петрова, коего жена еще не исцелилась и, ставши к дверям лицом, неведомо что шептала, а потом вслух говорила: «Выдь, нечистый дух, из рабы Федосьи», – и махала рукою из избы, и вышедши в сени, то ж делала, опять вошедши в избу, велела попадье,

сойдя с постели, на коей она лежала, сесть к печному окну, и как её туда посадили, то сделалась ей потягота и зеванье, а после спала беспросыпно целые сутки и, по-видимому, уже тою болезнью не страждет». – Затем чародейка и была представлена в Вольск.

Вот что написал староста деревни Глотовки. Власти города Вольска должны были тоже начать с допроса чародейки. Призван был священник для увещевания Козыревой.

«По довольном священника увещевании, чародейка показала (приводим целиком это оригинальное показание, характеризующее и эпоху, которая еще так недалеко от нас отошла, и людей, дети и внуки которых еще живы): «Прасковьею меня зовут, Васильева дочь, по муже Козырева, от роду мне сорок пять лет, грамоте читать и писать не умею, на исповеди и у причастии святых тайн была назад тому года с четыре, во время болезни моей, села Комаровки у священника, а как его зовут и по отчеству не знаю, вольской округи, новопоселенной деревни Глотовки из вышедших из села Березников экономических крестьян⁵ Трофима Родионова сына Козырева жена, за коим в замужестве лет с двадцать семь, и прижила с ним в оной уже деревне Глотовке шестерых детей, пять сыновей и одну девку, кои ныне все вживе.

«После отца своего, села Березников экономического крестьянина Василья Михайлова, и матери своей, Ксеньи Семеновой, кои померли почти в одно время, осталась я, как после изстилась, пяти лет, и принята по смерти их бабкою моею, отцовою матерью, вдовою Степанидою Васильевою, а брат мой, оставшийся после родителей, Степан, жил по разным людям. И у той бабки своей жила я более десяти лет, и по взросте работала как на нее, так и на разных людей разную работу, как-то: толкла, молола хлеб, платье мыла и воду носила, а до смерти ее не знала, что она колдунья, и до смерти ж её с год зачала она, бабка моя, хворать, а с полгода хворавши, призвала, будучи наедине, меня и говорила мне, что она владела дьяволами, коих-де нет десятка и с три, и их-де посылала она на работу – вить песок и рассеивать оный, в разных людей для мучения, а от кого их получила и каким образом – не сказывала. А как-де я умираю и владеть ими некому, то-де возьми их себе и владей ими. На что я по глупости, бывши тогда пятнадцати лет, согласясь, сказала ей, что я их возьму. А она мне тогда говорила и учила меня отрекаться сперва от земли, от лесу, от отца и матери и от Бога. И вышедши из избы в сени со мною, та бабка моя велела мне стать от сенных дверей налево, почему я и стала. А бабка, взявши с полу старую, неведомо какую, будто круглую щепку, кинула мне под ноги, на кою я и стала. А в то время был на мне и крест Христов. И ставши говорила: «Отрекается раба Прасковья от сырой земли, отрывается раба Прасковья от лесу, отрывается раба Прасковья от отца и матери, отрывается раба Прасковья от Бога». По сих словах, вынувши бабка из-под ног ту щепку, бросила в растворенные сенные двери на двор, в небольшую, бывшую неведомо отчего яму, и после сего той щепки я не искала и никогда не видала.

«И в то ж время увидела я стоявших на полу двадцать пять дьяволов, из коих были двое, имеющие головы, тело и лица наподобие человеческих, только от самой головы до поясов одеты черными и весьма скверными волосами, головы без рогов, а вместо рук были небольшие крылья, наподобие белых будто, но скверны ж, такие как у летучей мышки, а с поясов зады голые, так как совсем коровьи, только собачьи лапы, а сзади с собачьими же хвостами; а из других двадцати трех, двадцать один были мужчины, со всем человеческим образом, лицо у коего белое, у иного смуглое, без бород, только дьяволов у десяти на головах волосы были не стриженные, а у последних острижены по-крестьянски, трое были в черных крестьянских худых, изорванных и заплатанных кафтанах и в изорванных же черных портках, не обутые, без рукавиц; а прочие были в одних, видно белых, загрязненных рубахах и портках, без рукавиц же и без обуви, и ни на одном из них ни шляпы, ни шапки не было, и в руках ничего у них не было, последние были – первая баба совсем в человеческом образе, на голове волосы раскосмачены и ни чем

⁵ Экономические крестьяне – в России во второй половине XVIII века категория государственных крестьян, образовавшаяся после проведения Екатериной II в 1764 году секуляризационной реформы из бывших монастырских и церковных крестьян.

не покрыты, лицом смугла, рубаха на ней бела и замарана, холстова, сшита по мордовскому манеру, застегнут ворот лыком или мочалом – не не упомяну, не подпоясана, руки и ноги голые; вторая девка, волосы также раскосмачены, лицо и рубаха такие ж и ногами и руками такая ж.

Как же скоро я их увидела, то первые два дьявола, ничего мне не говоря, пропали, и после я их не видела никогда. На всех же оных крестов не заметила есть ли или нет. И при том бабка моя сказала мне: «Вот тебе черти. Владей ими, а когда придут, посылай их на работу, куда вздумается». А о женщинах сказала, что старая девке мать, а последняя её дочь, а больше ничего не говорила.

«А показанные дьяволы, ничего не делая, сказали мне: «Мы – твои дьяволы. Посылай нас, раба, на работу». Почему я, по научению бабки, сказала им, чтоб они шли туда, откуда взяты – считать песок и вить из одного веревки, и чтоб по окончании оной работы явились ко мне. По сем они все в двери и вышли. А по их выходе я испугалась, и приключилась мне болезнь, какая бывает от ушибу, и держала меня три дня. А после того и доныне тем не хворала. А бабка моя с тех пор захворавши пуще, спустя недель пять, умерла. Ходила ж бабка моя в животе всегда в кресте и молилась Богу, а при смерти по своему желанию исповедана и святых тайн приобщена и похоронена при церкви в том селе Березниках, одного села священником Петром, который и ныне живые.

«После ж посылки дьяволов на работу, они близко двух лет ни один ко мне не прихаживали и я не видела. По смерти ж бабки своей жила я в селе Березниках без мала с полтора года обще с показанным братом моим, иногда прибегая в свой дом. Ходила ж работать по разным людям. Потом жившими в том селе около меня соседями отдана в замужество за показанного мужа моего, и венчаны в том селе Березниках в церкви показанным священником Петром, и перешли в ту деревню Глотовку. Пожив ж с полгода, в бытность мою в доме, когда была одна, пришли опять показанные двадцать три дьявола, в таком же образе, и говорили, что куда я их посылала, они песок пересчитали, а веревки свить не могли, потому что всегда развивается, а сколько по счету оказалось песку, того не сказывали, и просили опять работы. Почему я их и послала на гору, стоящую неподалеку от той деревни, называемую Непутную, считать и рассеивать песок и вить веревки, которой приказ получив, они и ушли. После, чрез полгода пришедши, просили работы, и я послала их опять в ту ж гору, и спустя с месяц опять все пришли и просили работы, и я послала их туда ж. После, года с полтора спустя, опять пришли, и я их опять туда ж послала на два года, после коих как пришли просить работу, пока послала их на год в ту же гору. После году опять туда же послала их на год и один месяц, потом на два месяца, после на четыре месяца, после же на три месяца, а потом более как на год, и после опять на столько же. И посылала их таким образом почти доныне. И назад тому лет с тринадцать, как те дьяволы пришли просить работы, что было осенью, послала я их опять на работу на три месяца в ту ж гору, а из них девку прежде помянутую, о коей бабка сказывала мне, что зовут ее Естифевной, оставя, велела ей взойти в крестьянку той деревни Акулину Дементьеву, которая в нее и взошла, и после того никогда ее уже и не видывали, а та Акулина была доныне здорова. На нее ж злобы я никакой не имела.

«И тем же вечером, пришедши ко мне один дьявол, сказал: как другие пошли на работу, то он от них отшатился и пошел без моего ведома вместе с Естифевной на свадьбу и Естифевна в Акулину взошла, как она была без молитвы, а ему взойти ни в кого не удалось. Почему я и послала его к товарищам работать, и как три месяца прошли, то те двадцать два дьявола, опять ко мне пришедши наедине, просили опять работы, и я их послала туда ж работать на четыре месяца. После также всех их двадцати двух посылала ж на работу, и работали они по срокам в той же горе, не задолго до Пасхи прошедшего года. А в Великий пост на шестой неделе пришедши ко мне с работы все двадцать два дьявола, просили работы, и я послала их в ту ж гору работать на четыре месяца, и они ушли.

А по уходе их, понесла я к крестьянке той же деревни Елене Киселевой постное масло в склянке отдать ей за таковое ж, занимаемое у неё, кое отнеся и возвращаясь домой, на половине дороги попался мне один дьявол из означенных, коего я спросила, зачем он воротился, а он мне сказал, что на работу идти поленился, и просил работы, почему я ему и велела идти в какова-нибудь человека, кого найдет без молитвы; он мне сказал, что-де показанная Елена масло то поставила без молитвы, а я ему и велела в нее взойти, и он от меня и ушел, и после того я никогда уже его не видала. А остальные двадцать один дьявол работали по срокам в том же месте, где и прежде, нынешнего года до шестой недели. А на оной, в бытность мою дома в избе одной, как муж и дети были на работе, пришли они все на двор к избному окну, и, кликнув меня, говорили мне, что не дам ли я им работу другую, а та-де тяжела. И как они мне уже надокучили и я не знала, как от них отвязаться, то и велела им идти в людей ково без молитвы найдут, а велела всем сидеть смирно. Почему они все от меня и ушли, и до сих пор, кроме одново, никого я и не видала. А на третий день пришедши ко мне наедине на двор, один дьявол говорил, что окромя его все двадцать взошли по одному в разных людей в той деревне Глотовке, кто прямо взлетел мухой, а другие в разных взошли в пойле, кое пили без молитвы, а иные к людям пристали только, где сказал мне поимённо тех людей, в коих дьяволы взошли: Евдокима Васильева, Ефимью – чья дочь, не знает, Ульяну – чья дочь, не помнить, Степана Алексеева, попадью Федосью – чья дочь, не знает же, а прочих поимённо не сказал. А он-де ни в кого не мог взойти, потому что были все с молитвой, и просил меня, чтоб я и его в кого-нибудь послала. А как в то время мимо двора шла крестьянка той деревни Анна Долбина без молитвы, то я ему и велела в нее взойти, а он, отошедши от меня, стал той Долбиной под плечо, и после того ни одного уж их не видала.

«А на святую Пасху нынешнего года из вышесказанных вдова Елена Степанова стала кликать и выкликала на меня. Почему и призвал меня староста той деревни Глотовки Борис Васильев в дом к той женке, где священник Николай Петров над нею читал какую-то книгу и она, Степанова, вырвав у него оную книгу, ударила ею меня, потом таскавши меня за волосы, кричала, чтоб меня выгнали вон. И как староста и священник стали меня про испорчение той Степановой расспрашивать, то я чинила в том запирательство, и попу говорила, что если я в том виновата, то б поставил меня на трое сутки в часовню, после чего меня и отпустили. Спустя немного, призвав меня на сход, все крестьяне стали допрашивать про испорчение Акулины Дементьевой и прочих, и как я на себя ничего не показывала, то, привязав меня к жерди, били немилосердно пинками, палками и кнутьями. Потом, сделав колодку на шею и на руки, повесили меня на воротной столб, но тот упал, после чего посадили меня в железа, в коих и сидела я дни с три. После сего, что со мною делали и каким образом в сей суд представлена – не помню, ибо была в беспамятстве. Более сего показать ничего не знаю. На воровствах и разбоях не бывала, поджогов и смертных убийств не чинила, воровских людей не принимала и не держала и с ними не зналась, людей ничем не окармливала и с подобными себе не зналась, и в сем допросе показала самую сущую правду».

Выслушав это признание чародейки, власти города Вольска рассуждали так: «А хотя признание преступницы и сходствует некоторыми местами с показанием старосты деревни Глотовки; но ни мало вероятия недостойно то, чтоб дьяволу быть непосредственно во власти человека, и он мог бы им повелевать, да хотя б и можно было быть ему в послушании у человека, но привести его в таковое будто б таким пустым обрядом можно было; но как сей суд (т.-е. суд города Вольска) старался испытать, что болезнь вышеозначенным людям причинена тою Козыревою не ядом ли каким или другими какими вещами, но она с постоянством утверждала, что ничем их не окармливала, а страдали точно от дьяволов, посланных в них от нее – что б, кажется, напрасно на себя нанести никто не захотел, то сей суд за сим более от нее выведывать ничего не может, ибо она уже довольно увещевана, и тем решиться, мнения на то положить не может».

Вследствие такого рассуждения, видя свою некомпетентность в этом непонятном для судей деле, судьи ищут помощи в законе и в учреждении об управлении губерний и находят (гл. 36, стр. 399), что «дела колдунов подлежат отсылать в совестный суд». Но и тут судьи не решаются сделать то, что, по-видимому, велит им закон. «А хотя (рассуждают судьи) по должности нижнего земского суда и следовало преступницу отослать по исследовании уже о всем ее преступлении, но угодно ли сие будет совестному суду, или и преступница не сделает ли основательного признания, чтоб могло быть почтено справедливости, неизвестно; а можно будет оное учинить по повелению уже совестного суда, и чрез то сей суд избегнет напрасного затруднения».

Наконец, судьи решаются, и чародейка под стражей отправляется в Саратов.

В Саратове, как видно, судьи были несколько умнее, чем в Вольске, да и сама чародейка, по-видимому, одумалась и поняла, что как в своей Глотовке, так и в Вольске наговорила много лишнего, чего в Саратове говорить не следовало. На допросе в совестном суде она показала только, что крестьянка их Елена Степанова нынешнюю Пасхою, «неведомо отчего, будучи в беспамятстве, начала выкликать, что будто она, Козырева, ее попортила; что вследствие этого старостою своим и была вызвана в дом этой кликуши, где над нею священник Николай Петров читал какую-то книгу, а кликуша, вырвав у него ту книгу, ударила ею её, Козыреву, в лоб так сильно, что она с ног упала; потом, таская её за волосы, кричала, чтоб её вон выгнали; что затем поп и староста спрашивали ее, за что она испортила Степанову; что она, как за собою не ведавшая, ни в чем им не призналась; что в оправдание свое говорила: если она им кажется подозрительною, то б поставили ее вместо наказания на трое суток в часовню; что через несколько времени затем призвали ее на сход и истязали самым бесчеловечным образом, так что она уже ничего не помнит – ни того, что она говорила на сходе, ни того, как возили ее в Вольск, ни того, что она там говорила на суде».

Совестный суд обратил внимание в первой мере, конечно, не на «колдовство и чародейство», а на истязание самой чародейки, на причины, побудившие ее добровольно назвать себя колдуньей, и на ту бессмысленную роль, какую играли в этом деле власти города Вольска. Совестный суд поставил им на вид важные упущения по этому делу, именно то, что чародейка «при мирском сходе была бесчеловечно избита», а потому следовало освидетельствовать эти побои, между тем вольские власти не говорят об этом даже ни слова в бумаге, при которой прислана в Саратов чародейка, «каковыми неосновательными бумагами делается совестному суду единое затруднение и лишняя переписка», заключает совестный суд, и тут же советует вольским властям быть осмотрительнее. Затем совестный суд нашел, «что хотя мнимая чародейка и показала в совестном суде, что она в тех злодеяниях, коими изобличается, совсем безвинно, а что-де она показывала по представлении её в нижний земский суд (т.-е. в Вольске), того она от смертельных побоев, кои ей учинены были при сходе, совсем не помнит; но как и оное не может быть, чтоб вся деревня согласилась ее оклепать напрасно, почему совестный суд и доходить, что она, Козырева, для какой-нибудь своей корысти от глупости похвалялась выдуманными какими-либо чародействами прежде, с чего и в Вольском нижнем земском суде показала, что она под властью своею имеет нескольких дьяволов, а наконец одумавшись, в совестном суде совсем от прежде ею показанного отперлась, как выше сего значить, ссылаясь на причиненные ей побои, от коих будто б была без памяти; но как прежний допрос её почти на трех листах да и с показанием старосты сходствует, чего в беспамятстве человеку показывать нельзя, чем самым более подало сомнения совестному суду, что она прежде таковым чем-либо похвалялась, что по вкоренившемся в народе низкого состояния суеверию и казаться может для их за истину; и тем самым подала повод всем, кои из прихоти ль или может быть по тогдашнему праздничному времени иные в пьянстве – последнее кажется вероятнее – оклеветать себя, – чево для, в страх другим, отослать ее, Козыреву, в рабочий дом сроком на два месяца».

Относительно тех крестьян и крестьянок, которые на сходе объявили, что «они чувствуют во внутренности у себя дьяволов, – что никак не естественно (прибавляет совестный суд), а часто находимы были тому, разные причины, например, по злости и сему подобное – совестный суд заключил, что и этих не следует оставлять без наказания «за таковую нелепую выдумку», и потому всех их, кроме попады, присудил к содержанию в рабочем доме на две недели и велел местным властям «забрать» их и прислать в Саратов. «А как в числе зараженных нелепою выдумкою замешалась и священника Николая жена, Федосья Федорова, то совестный суд об ней приговору никакого сделать не может; но дабы таковая грубая закоснелость не осталась без должного взыскания, то, в пресечение могущих впредь последовать подобных сему злодеяний, сообщить о том духовному правлению, в чем совестный суд и надеется, что она (т.-е. попады), по мере своего преступления, без должного наказания не останется».

Но власти города Вольска, которые так искренно верили в чародейственную силу Козыревой, по-видимому боясь её чар, не спешили исполнять предписания совестного суда и ничего не делали. Совестьный суд жаловался на них на местническому правлению, говоря, что чародейку, как обманщицу⁶, он засадил в рабочий дом, и прося понудить вольские власти к присылке в Саратов мнимых бесноватых деревни Глотовки.

Между тем через несколько времени к правителю саратовского наместничества, генерал-поручику Поливанову, явилось пять глотовских беснующихся (присланные неведомо от кого, без всякого виду с одними подводчиками). Поливанов отправил их в совестный суд.

Их допросили. После особого увещевания беснующиеся «чистосердечно признались, что их женщины притворялись беснующимися, лаяли и выкали, будто испорчены женкою Козыревой, напрасно осердясь на нее по разным причинам, желая ей через то сделать мщение и нанести вред, и мужик молодой, Евдоким Васильев, отбывая рекрутства, больше же всего будучи отягощаем к тому оной деревни Глотовки при часовне определенным попом Николаем Петровым, коего и жена, также как и прочие, бесновалась».

Беснующихся, как и самую чародейку, посадили в рабочий дом «с обещанием впредь так не сумасбродствовать», а прочих бесноватых затребовали немедленно в Саратов⁷. О наказании попады⁸ просили наместническое правление сообщить в подлежащую консисторию.

Время шло, а беснующихся не присылали в Саратов. Оказалось, что всей этой интригой заправлял глотовский поп, у которого и жена бесновалась вместе с прочими глотовскими бабами. Когда беснующиеся мужики и бабы были отправлены из Вольска в Саратов под надзором глотовского старосты, которому вручена была и бумага об этих арестантах, староста заехал с ними в деревню и за «мирскими надобностями» остался там, а беснующихся и бумагу об них вручил старшему крестьянину Глотовки Никифорову. Никифоров повез колодников по назначению, но поп «Николай Петров всех везти ему запретил и, взяв у него конверт, повез в Саратов только четырех сам, и по привозе удержав у себя уведомление, трех женок и мужика представил к его высокопревосходительству», т.-е. Поливанову.

На следующий год за бесноватыми отправили подканцеляриста Драгомилова, который с большим трудом разыскал их и отправил в Саратов. Эти также посажены были в рабочий дом.

Что случилось с попом Николаем Петровым и был ли наказан ли он «за все его бездельничества, коими он подвел вольский земский суд под нарекания и ответ», – неизвестно.

⁶ «А как совестным судом найдено (писали наместническому правлению), что в беспамятстве той нелепой и многоплодной сказки, как она (чародейка) сначала от бабки своей родной, при смерти её, во владение дьяволов в наследство получила, и как по сие время ими управляла, показать не можно, а что она, действительно, в своем селении старалась только показать себя колдуньею для корысти, чего для в страх другим, и посажена была в смиренный дом на два месяца».

⁷ «чтоб и те беснующиеся не остались за такую мерзкую и вредную шалость без наказания, что нужно учинить и в пример всякому, поелику еще и по сию пору между чернью сие весьма вредное заблуждение не истребилось».

⁸ «как оной оказался в весьма неприличных званию его поступках и главнейшею всего сего причиною».

II.

Подобно тому, как в истории мнимых чародейств Прасковьи Козыревой, сейчас нами рассказанных, не последнюю роль играет закулисная интрига попа Николая Петрова, так равно в злоключениях другой чародейки Аграфены Безжукловой много повинно варварское невежество доктора.

Вот история чародейки Безжукловой.

Одно из огромных малороссийских поселений саратовского наместничества, слобода Ильмень, Богословское то ж, Камышинской округи, в 1793 году было взволновано странным происшествием, которое привело в ужас всю слободскую громаду и все слободское начальство. Взбунтовался «скотский табун», так что вся слобода не могла его собрать, и это небывалое чудо приписано было колдовству чародейки Безжукловой.

Слободской атаман Семен Зеленский «со обществом» так писали об этом чуде и о других происшествиях в Камышинский нижний земский суд.

«Сего года в генваре месяце, а которого числа не знаем, оной же слободы малороссиянин Герасим Улановский, по согласии слободки Разливки с малоросиянином же Аврамом Толкачевым, отдал в замужество за сына его родного Прокофия дочь свою Анну Герасимову, и неизвестно по каким судьбам она сделалась беснующеюся, и в таком необходимом случае имея подозрение той же слободы малороссиянина, Ивана Безжуклого на жену Аграфену Архипову дочь, призвав ее к себе, при собрании жителей мною была в порче той Герасимовой спрашивана которая и учинила признание, также при расспрашивании еще показала, что *чародейством своим погубила до смерти мужеска и женска пола людей сорок одного человека*, и всё тое чинимо ею было не из корыстолюбия, но по злости и зависти. Почему взята была под стражу, где также чинила обществу пакости, как-то *через её чародейство разогнан был скотский табун*, коего и собрать никак не можно. Означенную ж женку Герасимову испортила по просьбе вышеозначенной слободы Ильмени малороссиянина Максима Скородька, по причине, что он сватал ту Герасимову за приемыша своего Фоку, но по несогласию с отцом она не выдана, которую женку Безжуклову и с тем ее к таковому злодейству подкупителем малоросиянином Скородькою к поступлению по законам в оный земской суд при сем представляю, также и при ком то признание учинила от собрания сказка для лучшей видимости прилагается у сего».

В мае этого 1793 года чародейка Безжуклая и подкупитель её Скородько были привезены в Камышин под стражею.

В сказке, приложенной к бумаге, при которой Безжуклая и Скородько были присланы в Камышин, перечислены лица, «по христианской должности» давшие подписку в том, что при них чародейка сознавалась как в порче дочери Улановского, так и «в погублении чародейством до смерти мужеска и женска пола сорок одного человека». Во главе свидетелей стоит дьячок Никитин, а за ним уже малороссияне Николай Сытник, Иван Титаренко, Иван Шморгалло, Павел Мирошниченко, Григорий Певень, Герасим Бондаренко, Федор Головки, Назарей Немой, Тимофей Смилянкой, Иван Голобородько, Герасим Дрововоз, Роман Сучак, Дмитрий Вороненко, а наконец, атаман Зеленский. Мало того, под сказкой вместо неграмотных и всего общества подписался священник той же слободы Антон Панфилов.

До начала допроса Безжуклая передана была местному коменданту под особый караул, а Скородько был оставлен при суде.

На другой день суд приступил к допросу. Вызван был священник для увещания чародейки. В присутствии земского исправника, священника и других властей, чародейка показала, что «назад тому лет с двадцать пять, по научению умершей, слободы Рудни, малороссиянки Анны Васильевой, испортила слободы Рудни же малороссиянина Серпокрытого сноху Афро-

синью, которая на другой день померла; но от других возводимых на нее преступлений отперлась. Она говорила, что хотя и винулась слободскому атаману Зеленскому с обществом в том, что, по просьбе Скородьки, испортила дочь Улановского и погубила сорок одну душу своими чарами, однако, она показывала то под пыткой сама на себя, желая избавиться от мучений, *«потому что лекарь, закутав ее кафтаном, курил соломой и ладаном»*. Безжуклая затем положительно и упорно утверждала на допросе, что, «кроме одной души, она никого не умертвила», что и «Скородько в порче ее не просил и скотского табуна она никаким случаем не разгоняла».

Замечательно, что умерщвление Безжуклою снохи Серпокрытого, в чем она винулась, совершено ею тогда, когда преступнице было только пятнадцать лет! Этот факт прямо говорить против тех близоруких рутинеров, которые утверждают, будто современная деморализация русского народа дошла до того, что в нем очень много малолетних преступников, тогда как и прошлая история этого же народа разоблачает прискорбные факты, что какая-нибудь пятнадцатилетняя девочка умерщвляла людей порчею (конечно отравой) и малолетние крестьянские дети составляли из себя шайки разбойников и на лодках производили разбои по Волге, как это видно из имеющихся у нас старых архивных дел.

Призван был к допросу Скородько. Это был старик шестидесяти лет. От возводимого на него обвинения в подговоре Безжуклой к порче дочери Улановского он решительно отперся.

Для расследования на месте обстоятельств, по коим Безжуклая обвинялась в чародействе, для производства «больших повальных обысков» и отобрания так называемой «желательной подписки», командирован был в Ильмень чиновник Белицкий, который, впрочем, должен был обследовать это дело и в окрестных селениях, в слободе Рудне и слободке Разливке.

На большом повальном обыске все обыватели слободы Ильменя единогласно показали под присягою следующее: «малороссийская женка Аграфена Безжуклая наперед сего в 788 году из причини по злобе у нас разогнала днем стадо, и оттого бесовским наваждением от побегу на воротах же утоптали корову, да и в людях оная женка Безжуклая очень довольно делала пакостей и похвалок, отчего уже лишаемся своих домов; но как сего 793 года она Безжуклая по допросу словесно лекаря объявила при священнике, что изтеряла своим чародейством сорока-одну душу, то буде оная женка Безжуклая по закону следовать будет к наказанию, то в общество её за незаконные её поступки к себе на жительство принять не желаем».

О Скородьке на повальном обыске показали: «малороссиянин Максим Скородько напредь сего нередко обращался в ссорах и в судах, то хотя оной Скородько и следовать будет по закону к наказанию, то и по наказании его в общество к себе принять желаем».

По получении этих отзывов, «Скородько по ненайденнии виновным», немедленно был освобожден и уволен в свой дом, Безжуклая же вместе с делом отправлена под стражею в Саратов, для разбора её преступлений в совестном суде.

В Саратове чародейка снова была призвана к допросу. Несмотря на увещания судей и священника, она отреклась от признаний, сделанных ею в присутствии слободского общества, а говорила, что признания эти вырваны у неё насильно теми муками, которым её подвергал лекарь, окуривая соломой и ладаном и наглухо закутывая кафтаном. Она и здесь призналась только в том, что «назад тому лет с 25, по просьбе слободы Рудни умершей малороссиянки Анны Васильевой, отнесла она к внучке её Афросинье данный от неё, налитый брагою кувшин, которая после того на другой день и померла», но что «был ли в том кувшине положен какой яд, она не знала».

На другой день допрос Безжуклой был повторен «для обнаружения справедливости»; но она стояла на своем прежнем показании и ничего нового не сказала.

Оставалось судить чародейку на основании этих данных «с подведением приличных законов». Эти «приличные законы» подысканы в следующих статьях действовавших тогда уголовных кодексов:

1) «Ежели кто найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей, оной по состоянию дела в жестоком заключении в железах, гонением шпиц-пруген наказан или весьма сожжен быть имеет» (1 арт. воин, зак.).»

2) «Того ж артикула в толковании сказано: а ежели чародейством своим никому никакого вреда не учинил и обязательства с сатаною не имеет, то надлежит по изобретении дела того наказать другими вышеупомянутыми наказаниями и при том публичным церковным покаянием».

На основании этих законов совестный суд постановил: «За таковые преступления (за чародейства) хотя и подлежала она, Безжуклая, по неприёму её в жительство, к ссылке на поселение, но дабы судьба её не отягощалась свыше мер ею содеянного, и для того от ссылки ее избавить и отдать на церковное покаяние сроком на шесть недель, слободы Богословской, Ильмень то ж, священнику, с тем, если она по прошествии сего назначенного срока явится достойною, то дабы той слободы жители, видя ее раскаявшуюся, яко истинную христианку, могли принять по-прежнему к себе в жительство, в праздничный день всенародно приобщить её святых тайн, для уверения, что с тайнами Христовыми чародейство сообщиться не может, и тем её избавить от общественного нареkania.»

В августе месяце чародейка вывезена была из Саратова и отдана на духовное попечение того самого священника, при котором её пытал лекарь, заставляя, закутав несчастную кафтаном и подкуривая соломой и ладаном, всенародно признаться, что она чародейка и чарами своими погубила сорок одну душу, разогнала табун и проч.

И всё это было только девяносто лет назад!

III.

13-го октября 1793 года к городничему города Сердобска Агаркову явился тамошний посадский человек Илья Волюнкин, с молодой снохой своей Василисой Емельяновой и объявил следующее:

«Уведомился я через жену свою Авдотью Иванову, что невестка наша Василиса Емельянова приходила к живущей подле меня соседке посадской жене Анне Семеновой и просила мышьяку для окормления мужа своего, а моего сына; однако, она же Семенова невестке моей того мышьяку не дала; но потом она же невестка принесла к той женке Анне Семеновой наговоренную соль и прочие некоторые травы, с тем, чтоб по случаю принесла она, Семенова, в каковых-нибудь съестных припасах ко мне в дом и дала б мужу её, а моему сыну, чтоб получить ему скорую смерть. Почему Анна Семенова тое соль и травы принесла ко мне в дом и отдала жене моей. А как по уведомлению моему и по неблагопристойным снохи моей к мужу своему, а моему сыну порядкам, как ее, Василису Емельянову, равно и отданные посадскою женкою Анною Семеновою соль и травы при сем на рассмотрение вашему высокоблагородию представляю».

Приведенная к Агаркову молодая сноха Волюнкина, обвиняемая «в намерении окормить мужа своего злыми отравками», была тотчас же подвергнута допросу.

Это была молодая женщина восемнадцати лет, недавно вышедшая замуж за сына Волюнкина.

«С начала отдания меня за Степана Волюнкина в замужество. – говорила обвиняемая, – жизнь свою проводила я с мужем своим добропорядочно, и назад тому спустя недели с две захворала я животом, а по происшедшим слухам, что сего ж города посадская женка Аграфена Егорова Семавская от оной болезни пользуется, к которой я и пошла, и по приходе к оной стала ее просить от болезни какого-либо лекарства, на что она мне объявила что от той болезни у нее таковых лекарств нет. И более я, ничего не говоря, пошла было из избы обратно, но она же Аграфена вышла за мною в сени и вдруг спросила: «что-де жив ли твой муж?» На что я отве-

чала, что жив. И при том еще Аграфена сказала: «В каком-де ты доме, Василиса, живешь! Или-де лучше себе не найдешь». И еще проговорила: «Ты-де мне поклонись, – я-де тебе сделаю, что твой муж скоро исчезнет». Которые речи я по молодому своему разуму от нее Аграфены и приняла. Потом мы обе в избу обратно вошли, и Аграфена, взяв соли в руку и села на печи, стала волшебствовать, но по окончании волшебства, не дав мне той наговоренной соли, а сказала, что-де принеси денег, за которыми я и пошла ко двору своему, и взяв в доме денег двадцать одну копейку, обратно к ней пришедши и те деньги отдала ей, почему от неё и ту соль наговоренную получила, и при том она мне подтвердила, чтоб класть в питьё тое соль, когда-де муж мой попросит пить, да и еще сказала, чтоб я пришла к ней после, для взятия от неё некоторых таковых же волшебных трав. Спустя дня с три, я пошла к ней для получения обещанной ею травы и, по приходе, Аграфена тех трав мне дала, за которые я заплатила еще денег пять копеек, и при том Аграфена подтвердила, что-де с оных трав муж мой скоро умрет, да и дала, бы-де я тебе мышьяку, да у меня его нет, от которой я и пошла обратно в дом свой, которые данные ею как соль, так и траву я у себя берегла тайно, и в одно время в молоко малую часть соли мужу своему сыпала, однако, муж мой в то время того молока не ел. Назад же тому дней с пять пошла я к живущей подле нашего дому посадской женке Анне Семеновой и по сказанным мне Аграфеною словам просила у оной женки мышьяку, которая мне сказала, что она его от роду и не видывала. А потом стала я оную женку просить, чтоб она приняла тайным образом от меня те наговоренные Аграфеной соль и траву и каким бы нибудь случаем дала бы мужу моему в съестных и питейных припасах, которые вещи она от меня приняла и объявила свекрухе моей, а свекровь объявила мужу своему, а моему свекру».

По этим показаниям Волынкиной надо было тотчас же арестовать и самую волшебницу, Аграфену Семавскую. Ее отыскали и привели к Агаркову. Волшебница была женщиной лет под пятьдесят, сердобская посадская женка.

Семавская от звания и ремесла волшебницы и колдуньи отеклась, а показала, что молодая Волынкина действительно приходила к ней недели две назад и просила у неё «для лечения зубов травы», но что от этой «болезни таковой травы она не дала». Затем она призналась в следующем «После того она, Василиса, вызвав меня в сени, стала у меня просить тайным образом, чтоб я дала ей таковых злых трав, чтоб муж ее вскорости умер, с которой я и взошла в избу и взявши соли, наговоря, означенной Василисе дала, за которую и взяла денег двадцать одну копейку. А потом, после того спустя недолгое время, Василиса, пришед ко мне, стала просить еще каких-нибудь трав для такового же мужа её окормления, которой я дала и еще травы называемого чемеричного корня, за что и взяла с неё денег пять копеек, и при том она, Василиса, просила у меня мышьяку, которого я, за неимением у меня такового ей не дала. Наперед же сего я таковых к злу окормлению людей трав никому не давала».

Так как на этом первоначальном допросе молодая Волынкина призналась в намерении «окормить своего мужа злыми волшебными травами к скорой смерти», а Семавская – «в давании Волынкиной наволшебствующих соли и травы чемеричного корня», то Агарков на другой же день отправил преступниц в местный магистрат для производства над ними формального суда.

В магистрате они снова были подвергнуты допросу и священническому увещанию. Молодая Волынкина и здесь говорила то же, что показала в полиции, но только «примолвила»:

– Хотя я и точно в Аграфене для испрашиванья от нее ко излечению живота и зубов лекарства и травы приходила, но только не для мужа своего окормления. А я, приняв от Аграфены наговоренную соль и чемеричные корни, то учинила по младости лет, по глупости моей, а наиболее от робости, что я наперед сего нигде под судом ни за что не бывала.

Со своей стороны Семавская прибавила: «Хотя я и точно Василисе соли и корней чемеричных давала, но не наговоренных, а с простоты своей, и не для окормления мужа ее, да и наговоров я никаких не ведаю, а действительно ко излечению её живота и зубов».

После этого произвели повальный обыск в городе. Спрошенные под присягою обыватели показали: «молодой Волынкиной – что в ней к художеству ничего не примечено, а единственно слух происходил, что она с мужем своим имеет несогласность». «Семавской же – что она и прежде находилась нередко в необразном пьянстве да и в содержит в доме своем непристойным образом пристани, отчего и имеют живущие близ её дому соседи всегда от злоумышления опасность».

Через месяц и Волынкина, и Семавская были отправлены под караулом в Саратов, для решения их участи совестным судом.

В совестном суде Семавская к прежним показашам добавила, что «соль и траву, называемую чемеричным корнем, она Волынкиной давала не наговоренная и не имеющая действ!е отравить человека, а простоя, а что будто б она соль наговаривала, то делала один только вид и склонивала ее ко окормлешю, дабы таковым обманом от нее получить себе какую-нибудь прибыль, что и получала; волшебства же она никакого не знает и не производила».

На основанш этих признашй совестный суд, руководствуясь статьями действовавших тогда законоположений⁹, постановил следующее решительное определение:

«Поелику из показаний вышезначущих женок Василисы Волынкиной и Аграфены Семавской совестный суд не замечает, чтоб их подлинное стремление было на жизнь первой мужа, ибо тут со обеих сторон состоит – с одной обман, а с другой, по небольшим летам, глупость, но вреда чрез то ему не учинено, в рассуждении чего вменяя им немаловременное содержание под стражею, учинить их от сего дела свободными, подтвердя им при том в присутствии, чтоб они впредь сих вредных дел действием и на то помышлением всемерно воздержались и жили б так, как христианкам надлежит быть, о чем их и обязать в сём суде подпискою, с тем если они впредь то чинить будут и кому чрез то вред нанесут, то с ними за то яко с преступницами по всей строгости законов поступлено будет».

Затем Волынкина и Семавская были обратно отправлены в Сердобск и велено было «их тамошнему честного поведения священнику отдать на один месяц, которой бы в течение оного постарался, по преданию святых апостолов и отец, поправить их в разуме и во отвращении столь богопротивного поступка и чтоб одна мужа своего в почитании и в должной к нему любви обращение имела, а другая перестала бы от такова го злого научения той женки, и других, кто к ней, на то прибегать и в том помощи просить будет, тем паче замыслами своими и поданием в сих следствиях дурных советов, вред чинить и маломыслящих людей обманывать и за то деньги брать, и по исполнении всего оного, видя их исправление, отпустили бы их в дом».

Городничему велено было наблюдать за ними самым строгим образом.

IV.

Нижеследующее чародейное дело, производившееся в Саратове в 1795 году, о саратовском купце Даниле Смирнове и посадском Петре Ясыркине, имеет в себе и другие подробности, объясняющие некоторые стороны нашего бытового прошлого, столь близко соприкасающиеся с настоящим.

Вот это интересное дело.

⁹ Замечательно, что в числе действовавших тогда законов цитируется знаменитый «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения», пун. 494 о волшебстве: «надлежит очень быть осторожным при исследовании дел о волшебстве и о еретичестве. Обвинение в сих двух преступлениях может чрезмерно нарушить тишину, вольность и благосостояние граждан и быть еще источником бесчисленных мучительств, если в законах пределу оному не положено. Ибо как сие обвинение не ведет прямо к действиям гражданина, но больше к понятию, воображенному людьми о его характере, то и бывает оно очень опасно по мере простонародного невежества. И тогда уже гражданин всегда будет в опасности для того, что ни поведение в жизни самое лучшее, ни нравы самые непорочные, ниже исполнение всех должностей не могут быть защитниками его против подозрения в сих преступлениях.

В мае 1795 года в деревне Багаевке, саратовской округи, взяты были по подозрению в чародействе две личности, оказавшиеся: один из них – 27-летний саратовский купец Смирнов, другой – 60-летний старик, посадский человек Ясыркин.

У них нашли коробку с подозрительными бумагами и «круглой лебастренной камень». Между бумагами была маленькая рукописная тетрадошка, озаглавленная так: «Список для составления в пользу всяких списков». Это была просто тетрадка для заговоров (заклинаний), которые и в настоящее время в таком почете между простонародьем. Первый заговор гласил: «Лягу я благословясь, встану я перекрестясь, умоюсь я не водою, утреннюю росую, утрюсь я матушкиной тканой, пряденой, чистой пеленою; пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, на всход красного солнышка, под май месяц, под светлое небо, под частые звезды; стану я раб Божий (имя рек) против неба на земли, отычусь я раб Божий частыми звездами, вижу я и не вижу раб Божий, слышу я и не слышу, от трезуба отрока (?), от речницы (?), от белой белицы, от девки простоволосой, от лихой думы; на море на окияне сидит старой старец святой...¹⁰ он морскую пену припивает и приедает. Так бы тебя мои призоры припивали и приедали, под пнем, под колодою лежаще (?); сам истинный Христос своими огненными стрелами, под шелковыми гайтаны¹¹, загоняет безратна, бестатна, ныне и присно и во веки». Видно, что заговор этот испорчен в переписке и во многих местах в нем недостает смысла.

Другой заговор, по-видимому, от «чирья». Вот его содержание: «Чирий Василий, поди с моего тела в чистое поле, в зеленые луга, с буйными ветрами, вихрями; там жить добро., работать легко, в чем застал, в том и сужду».

Третий заговор начинается так же, как и первый, но содержание разнится от первого. «Лягу я благословясь, встану я перекрестясь, умоюсь я не водою, утреннюю росую, утрюсь я пряденой, тканой, матушкиной чистою пеленою; пойду я в путь дороною, узрю я на восточную сторонку; подымается грозная темная туча, узрю я во темной туче самого Христа, на престоле сидит сам Господь Иисус Христос и матушка Пресвятая Богородица с серафимы и херувимы, и Михайла Архангел, и Гавриил Архангел, Иоанн Предтеча, Иоанн Богослов и друг Христов: заприте мое сердце за тридевять замков, за тридевять ключей; отнесите замки и ключи в окиян-море, положите замки и ключи под бел-камень, чтобы не знал ни колдун, ни колдуница, ни еретик, ни еретица».

Вместе с этой «чародейною» тетрадкою найден особый листок, исписанный очень старым почерком. На одной стороне листка: «святейшего правительствующего синода члена преосвященного Палладия, епископа Рязанского и Шацкого десятнику Артемию Иванову память. Ехать тебе туда-то и взять такого-то пономаря и дьякона». Это – официальный приказ. На другой стороне текста – известный заговор о «трясавицах» или лихорадках, список с знаменитой и столь распространенной в древней Руси суеверной сказки Иеремии, попа болгарского¹².

¹⁰ Здесь несколько слов нельзя разобрать.

¹¹ Гайтан (змейка, жгут, колодочка, черенок) – женское нагрудное украшение в виде шнура, связанного из разноцветного бисера.

¹² Список этого заговора, имеющейся в «чародейном» деле о купце Смирнове и посадском Ясыркине, представляет весьма отличный вариант от тех списков, кои напечатаны гг. Буслаевым и Калачовым. Вот этот текст: «При море Черном каменный столп, а на том столпе седоша святой архангел Михаил и святой великомученик Сисиний. Восстали на море волны, возмущило море от земли до небес, изыдоша из моря 12 жен окаянных, простоволосых, видом страшных, и вопрошиша их святой архангел Михаил и святой великомученик Сисиний: «Что есть вы, злые жены и злообразные? И они начата говорить: «Мы есть Ирода царя дщери». И им святые рекоша: «Почто еси вышли из моря?» Рекоша ему трясавицы: «Мы вышли из моря мучити род человеческий. Кто к заутрени не ходит и рано не встает и в праздники Господни Богу не молится, а пьют и едят рано, того мы и мучим разными муками и ранами». И вопрошиша их святой архангел Михаил и святой великомученик Сисиний: «Как вам окаянным нарицаются имена? – 1-я рече: «Мне есть имя *Глемия*». 2-я рече: «Мне есть имя *Тресия*». 3-я рече: «Мне есть имя *Огиея*». 4-я рече: «Мне есть имя *Желтея*». 5-я рече: «Мне есть имя *Лухтея*». 6-я рече: «Мне есть имя *Ледея*». 7-я рече: «Мне есть имя *Хрипуга*». 8-я рече: «Мне есть имя *Хоркота*». 9-я рече: «Мне есть имя *Лемея*». 10-я рече: «Мне есть имя *Злобейя*». 11-я рече: «Мне есть имя *Гуетея*». 12-я рече: «Мне есть имя *Левейя*», сестра их старшая, и та всех проклятея, ежели которого человека поимлет, то вскоре жив не будет. Аще ли в то время случится быть попу или диакону или и простой человек, который грамоте умеет, и станет говорить сию молитву над водою и над болящею головою, положи крест в воду

Смирнов и Ясыркин, имевшие у себя такого рода бумаги, признаны были за чародеев и арестованы, их взял один из саратовских чиновников, Ремер. Мнимые чародеи были привезены в Саратов, и об них началось дело.

Чародеи призваны были к допросу. Первый из них, как мы сказали выше, оказался саратовским купцом Данилою Смирновым. Он показал, что найденные у него в числе прочих бумаг молитвы, из коих одна, о «трясавицах», остались ему в наследство от покойного деда его, бывшего дьяконом в одном из сел рязанского наместничества, а тетрадку с оглавлением «список для составления в пользу всяких списков», содержанием которой были разные заговоры, он, по пересказанию проезжающего незнаемого ему какого-то престарелого человека, ночевавшего на квартире, писал он сам, Смирнов, с его слов». Что касается до арестованного у него вместе с бумагами «круглого лебастренного камня», который властям показался предметом подозрительным и до колдовства относящимся, то подсудимый показал, что он нашел его по дороге из Рыбушки в Саратов, «а для чего той камень приготовлен и кем потерян – не знает».

Ясыркин, со своей стороны, показал, кто он такой, и выразил недоумение, за что его арестовали. То же самое говорил он и относительно бумаг, взятых у Смирнова, и относительно «лебастренного камня», так как все эти подозрительные вещи найдены не у него, а в коробке купца Смирнова, жившего с ним вместе, в качестве зятя.

Но этим признанием арестанты не отделались. Их препроводили в магистрат. В магистрате опять пошли допросы. Смирнов утвердился на своем первом показании и только добавил свое предположение относительно таинственного алебастрового камня. Он говорил, что «найденной им лебастренный камень почитал он с домашними не иначе, как только вместо ребячьей игрушки».

Ясыркин также говорил согласно первому своему показанию. О Смирнове, равно о себе самом и о найденных у Смирнова бумагах, он выразился: «и никаких я дурных поступков как за зятем своим, так и за собою не имею, ибо точно дочь моя, выданная в замужество за реченного Смирнова, состоит в преемственной болезни, так что на всякое время бывает в отчаянности; но вынутые у того зятя моего какие-то письменные книжки не для ли иногда какого-то воспользования над тою моею дочерью, я знать не могу».

После этого старик Ясыркин был освобожден «по некасательности до него», как выразился магистрат, а Смирнов, «как открылся он по видимым книжкам в колдовстве», препровожден был на усмотрение совестного суда. Испугавший же всех «лебастренный камень» порешено было «истребить в безвестность».

В совестном суде опять повторялись допросы, Смирнов стоял на своем – он не признавал себя виновным в чародействе.

Совестный суд решил милостиво. «Как из допроса означенного подсудимая Данилы Смирнова усматривается, что найденные у него молитвы остались после деда его дьякона Лариона Иванова и книжка списана им по сказывании неизвестного ему человека, которые ничего относящегося к колдовству в себе не заключают, а почитает суд сей оные только одному его, Смирнову, суеверию, за что в наказание, в бытность его под судом, уже потерпел изнурение; но дабы он, Смирнов, таковым постыдным суеверством не занимался и вредных рассказов никогда не слушал, за что и впредь не избегнет законного наказания, а верил бы истинному хри-

непитую, и рече: «Заклинаю вас окаянных трясавиц святым архангелом Михаилом и святым великомучеником Сисинием и четырьмя евангелистами, Матеем, Маркою; Лукою и Иоанном, побежите от раба божия, имя рек, за тридевяты поприщи, и ежели вы не побежите, то мы на вас призовем св. ар. М. и св. вел. Сис. и 4-х ев. М., М., Л. и Иоанн., то начнут вас мучить и дадут вам по триста ран и рекут: крест христианам хранитель, крест царем держава, крест недугам и бесам и трясавицам на прогнание, да исцелит его главу нелживу, во веки веков, аминь». По прочтении оной молитвы, трижды той воды испить, главу и лице облить трижды же, привязать, держать на кресте: во имя отца и сына и св. духа, аминь. Избавьте мя от болезни раба своего, имя рек, святые девятичислени мученицы Феогне, Руфе, Антипатре, Феоктите, Магне, Евлаие, Артемии, Феодоте и Филимоне, яко мы вси усердно к вам прибегаем, вы бо молитесь о нас Христа Бога нашего». Ср. заговоры о трясовицах у Калачова в «Архиве историко-юридич. свед.» и у Буслаева в «Историч. очерках русской народной словесн.» II, 47 – 48.

стианскому закону и чистым сердцем всегда прибегал с молитвою к церкви Божией, сие ему за извещением подтвердить и, обязав подпискою, сделать по сему делу свободным».

Книжку с заговорами и молитвы о трясавицах заключено было уничтожить. Но они не были уничтожены, и пишущий эти строки нашел их подшитыми к делу: то, что предполагалось уничтожить, ныне составляет уже исторические документы.

Смирнов, выходя из-под ареста, дал подписку, в которой, между прочим, обещал: «Обязуюсь, что впредь таковых подобных суеверных бумаг у себя иметь и таковым постыдным суеверствам верить не буду».

V.

Все эти дела о мнимых чародеях и чародейках ясно обнаруживают, до какой степени еще в конце прошлого века боязнь колдовства и ведовства господствовала не только в народе, но и в средних слоях общества, между людом чиновным и духовенством.

Так, в том же 1795 году и в те же именно дни, когда судился купец Смирнов за заговоры от «трясавиц» и от чирья, один аткарский¹³ священник, а именно Прохоров, возбудил процесс против одного посадского человека за то, что в церкви увидел у него на крестовом гайтане узелок с чем-то в нем зашитым.

Дело было так. Аткарский посадский человек Иван Поляков привлечен был к судебному делу за неотдачу забытого у него в доме одним крестьянином шерстяного войлока с зашитыми в нем деньгами. По этому делу семейство Полякова приводили в церкви к присяге. И вот, во время этой присяги «по обнаружении усмотреть на крестовом гайтане манинкой холстовой узелок, в коем зашит неизвестно какого дерева манинкой же жребий, о котором тот Поляков, на спрос стоящего пред ним со крестом увещающего священника Михаила Прохорова, при многолюдном собрании и немалого числа благородных, показал, что тот жребий из травного корня, называется Петров крест, и носит он его на кресте года с два, для избавления от болезни сердца и младенческой».

Несчастливого крестьянина за этот невинный узелок тотчас же привлекли к суду. Поляков возбудил этим узелком, как выразились его судьи, «сумнительство колдовства». Мнимый колдун был арестован и отправлен в Саратов. С ним отправлен был и возбудивший всю эту бучу «маленький узелок», при особой описи, «о коликкой он величины и толщины». Вот эта опись: «мешочек холстовой, манинкой, сшитой из нового посконного белого холста, величиной не более полувершка; в нем корень, в длину в четь, в толщину – в осьмую вершка, а какого дерева и травы неизвестно» (какая скрупулезная точность, достойная лучшего дела!).

В Саратове нашли, что всё это пустяки – и «манинкой мешочек», и неведомый корешок, так что за возбуждение этого нелепого дела из-за узелка аткарские судьи получили замечание за свое неуместное усердие.

Вообще в юридической практике прошлого века судебные процессы о чародеях и преимущественно чародейках играют весьма заметную роль. Дела эти доходили до сената, до самодержавной власти и вызывали даже особые законоположения, силившиеся обуздать возбуждение бессмысленных процессов о колдунах и колдуньях.

Так, в 1770 году в сенате рассматривалось чародейское дело, наделавшее тогда много шума на всю Россию.

В Яренском уезде, в двух волостях, появились будто бы чародеи и делали народу посредством порчи много пакостей. Указывали на крестьян Егора Пыстина, Захара Мартюшева, на Стефана и Илью Игнатовых, как на чародеев. Говорили, что они пускали по ветру каких-то

¹³ Аткарск – город (с 1780) в России, административный центр Аткарского района Саратовской области. Расположен на Приволжской возвышенности, при впадении реки Аткара в реку Медведица (левый приток Дона).

червяков и червяками этими портили, кого хотели. Дело об этих чародеях производилось сначала в городе Яренске, в тамошней воеводской канцелярии, потом в Великом Устюге, сначала в духовной консистории, а потом в провинциальной канцелярии. Как чародеи, так и обвинительницы их, испорченные женщины: солдатская женка Авдотья Пыстина, женки Федосья Мезенцова, Анна Игнатьева и девка Авдотья Бажукова, привезены были в Петербург. Привезены были туда даже чародейственные червяки, пускаемые колдунами по ветру на тех, кого они желали извести. – Сенат рассмотрел этих червяков, сделал допросы и нашел, «к великому сожалению своему, с одной стороны, закоснелое в легкомыслии многих людей, а паче простого народа о чародейственных порчах суеверие, соединенное с коварством и явными обманами тех, кои или по злобе, или для корысти своей оным пользуются, а с другой, видит с крайним неудовольствием не только незаконные с сими мнимыми чародеями поступки, но невежество и непростительную самих судей неосторожность в том, что с важностью принимая осязательную ложь и вещь совсем несбыточную за правду, следственно, пустую мечту за дело, внимания судейского достойное, вступили без причины в следствие весьма непорядочное», как выражается сенат в именном указе. Он говорит по этому поводу, что процессами о чародеях сами судьи утверждают народ в «гнусном суеверстве», хотя должны бы были искоренять его. По поводу этих неистовств сенат рассуждал, что если простым крестьянам и простительно верить в чародеяния, то непростительно это присутствующим в судах членам, ибо всякому благо разумному человеку должно быть известно, «что, не давая употребить в пищу каких-либо вредных здравью человеческому вещей и составов, иными сверхъестественными средствами людей портить, а паче в отсутствии находящихся, никому отнюдь невозможно». Далее сенат говорит: «Видно, что в тамошнем краю, по вымыслу таких коварных обманщиков, производится якобы порча людей посредством пущания на ветер даваемых яко бы от дьявола червяков», что «оние пущенные на ветер червяки имели входить в тела таких и порчею действие свое производить над теми только, кои из двора выходят не помоляся Богу и не проговоря Иисусовой молитвы или бранятся матерщиною». Сенат с удивлением восклицает, как судьи могли принять это за дело, «а не за пустую, смеха и презрения паче, а не уважения достойную баснь».

Действительно, когда сенат приступил к рассмотрению и исследованию «часто помянутых червяков», которые присланы были «как не ложные о тех чародейственных порчах доказательства», дьявольские червяки оказались запечатанными «казенною устюжской провинциальной канцелярии печатью». Вскрыли печать и нашли, что дьявольские червяки – «не иное что, как засушенные простые мухи, которые женка Федосья Мезенцева, чтобы, с одной стороны, удовлетворить требование судьи майора Комарова, а с другой, чтобы избавить себя от большого истязания, наловив в избе той бабы, где она под караулом содержалась, ему представила, а он, как видно, сам столько же суеверен и прост был, что распознать их с червяками не мог, но как такие представить в высшее правительство не устыдился».

Затем сенат объясняет «начало всего сего *сумасбродного* дела и такового же по оному следствия», что совершенно почти тождественно с такими же сумасбродными делами, которые производились в Саратове; о мнимых чародеях и чародейках Прасковье Козыревой, Аграфене Безжуклой, Аграфене Семавской, Иване Полякове и купце Даниле Смирнове. В наших делах о чародеяниях все принимали участие – и бабы, и попы, и лекаря, и чиновники. В сенатском деле – тоже: «несколько беспутных, как выражается сенат, девок и жёнок, притворяясь быть испорченными, по злобе и в пьянстве выкликали имена вышеобъявленных несчастных людей (т. е. мнимых чародеев), и при том называли мужчин батюшкою, женщин же матушкою; соседи, услышав о том, приступили к ним с угрозами, чтоб они в тех порчах признались добровольно, потом пришли сотские, кои, не удовлетворяясь угрозами, стали их сечь и мучить». Боясь пытки в городе, которую угрожали мнимым чародеям, они объявили себя колдунами. Их привезли в город и стали допрашивать под плетьюми. Боясь разноречить, мнимые чародеи и под плетьюми показали то же, что показывали прежде, справедливо опасаясь передопросов и новых пыток.

«Вот первоначальное основание!» восклицает сенат: «вот все доказательства колдовства их, по которым присутственное место оных бедных людей в чародействе изобличенными признало, яко действительных чародеев к жестокому наказанию осудило безвинно. В то же самое время (продолжает сенат), когда ложь, коварство и злоба кликуш торжествовали над невинностью», не только оставлены они без всякого истязания, которого, однако ж, как сущие злодейки, они достойны, но тем же самым дана им и другим полная свобода и впредь производить бесстрашно таковые же злодейства».

Сенат, однако, определил мнимых чародеев освободить, кликуш высечь плетью публично на мирском сходе, а судей их – воеводу Дмитриева, товарища воеводы Комарова и секретаря – отрешить от должности и никуда не принимать¹⁴.

Так мало-помалу то плетью, то логическими убеждениями вытеснялись из русского народа безобразные суеверия древней Руси, или – так как в сущности это одно и то же – эпические отношения к природе и к явлениям жизни. Правда, эти эпические суеверия перешагнули и в девятнадцатый век и стоят рядом как с земскими, так и с новыми судебно-мировыми порядками, однако, молодое поколение русского народа, воспитываемое в новых школах, имеет уже несколько более широкое мировоззрение, чем секунд-майор Комаров, воевода Дмитриев и другие подобные им русские чиновники конца XVIII и начала XIX века, принимавшие мух за дьявольских червяков.

Впрочем, мы позволим себе впоследствии, на основании более новых архивных дел, показать, насколько древние верования продолжают идти рука об руку с новыми порядками, коими мало-помалу обставляется общественная жизнь русского народа, и как современные «лихие бабы» из более высших слоев русского общества продолжают направлять наши общественные порядки на стезю старых суеверий.

К о н е ц.

¹⁴ Поли. Собр. Зак., Т. XIX 13427.

Мнимые видения и пророчества

Бытовые очерки XVIII века.

В каждой исторической эпохе наблюдаются явления, до некоторой степени только ей свойственные и заметно отличающие ее от других эпох. Это те явления, которые характеризуют робую рост общественной мысли: явления эти могут быть очень мелкие, почти совсем ничтожные; но из совокупности их и из сопоставления с другими явлениями часто возникает представление о целой эпохе, облик которой как бы сам собою выступает среди этих мелких деталей.

Предлагаемые здесь бытовые очерки, выхваченные из русской жизни XVIII века и сохраненные архивами, мы надеемся, достаточно объяснять рядом повторяющихся, почти тождественных явлений, как медленно совершался у нас рост общественной мысли даже после того, как ей дан был сильный толчок событиями, подготовившими переход России к новой, так сказать, европейской жизни.

I. Корнилка-пророк

25-го января 1701 года из Преображенского приказа в Приказ земских дел был прислан стрелец Мишка Балахнин, который обвинялся в том, что разглашал о каком-то Корнилке-пророке.

В письменном извете, поданном стрельцом Мишкою, значилось:

«Суздальского уезду, вотчины Ивана Кулова, деревни Рогатины, дворовый человек Корнилка Фадеев, будучи на пустоши Агапихе, говорил многие сбивательные вещи к воинственному делу и смертные часы: в кое время кому умереть узнавает многим людям в предбудущие годы, за десять лет и больше, и эти сбывательные вествовательные слова над многими людьми сбывались».

Что же это за «сбивательные вествовательные слова»? Давно когда-то, когда стрелец Мишка был в деревне Рогатине и вместе с другими сельчанами «сено в стоги ставили на пустоши Агапихе», случился тут и Корнилка.

– Оглянись назад, – сказал Корнилка Мишке.

Тот оглянулся. На березовом пне бегал человек «в образе Корнилки». Из дела не видно – сам ли это Корнилка очутился на березовом пне и бегал по нем, или это был только «образ Корнилки. Но только этот «образ» оказался пророком.

– Азов будет взят в пятницу, – говорил этот пророк: – а племянник твой, Мишка, – Ивашка умрет через пять лет.

Потом Корнилка принес кисть рябины и подал ее Мишке.

– На, ешь рябину.

Стрелец начал есть.

– Не ешь, Мишка, – останавливал его бывший тут же на работе крестьянин: – Корнилка положил в кисть ящерицыно жало.

Какое у ящерицы жало – это ведомо, вероятно, одному только Мишке.

– Как я съел кисть, – говорил Мишка в приказе: – стала мне, Мишке, быть тоска и нашел туман.

А Корнилка-пророк не унимался.

– Ступай в Харьков жить, Мишка, – говорил он: – коль будешь там жить, государю царю Петру Алексеевичу и царевичу Алексею Петровичу будет жить по 90 лет, а не пойдешь в Харьков – им, государям, век мал будет.

Началось «дело». Еще бы – ведь, глупый стрелец говорил «государево слово». Притащили припутанных к этому делу Корнилку-пророка и других свидетелей. Начались допросы, передпросы, очные ставки, путешествия в застенки, «пристрастие» с дыбой и кнутом – всё как следует.

Оказалось, что бедному Корнилке было всего двенадцать лет, когда он, по показанию стрельца Мишки, якобы пророчествовал о взятии Азова, о том, что если болтуна Мишку пошлют в Харьков, да еще наградят за его вранье, то государи будут жить до 90 лет, а не награждать Мишку, и «им, государям, век мал будет». Мнимый пророк, конечно, показывал, что он ничего подобного не говорил. Свидетели тоже не подтвердили вранья глупого стрельца, и злополучный Мишка вместо Харькова пошел в Сибирь, в Даурские остроги, да еще «был бит батогами нещадно».

Видно, что бедный стрелец Мишка жил преданиями доброго старого времени, когда при благодушном царе Федоре Алексеевиче, а кольми паче при «тишайшем» родителе его, за такие пророчества мнимых пророков за святых почитали и всяким добром ублажали. Но Мишка жестоко ошибся. Известно, что когда святейший синод преподнес государю Петру Алексеевичу «докладные пункты», из коих в пункте 10-м вопрошал синод: «когда кто велит для своего интересу или суетной ради славы огласить священникам какое чудо (или пророчество) притворно и хитро через кликуш, или через другое что или подобное тому прикажет творить суеверие», то блаженный и вечной славы достойный памяти его императорское величество на это собственноручно написал: «Наказанье и вечную ссылку на галеры с вырезанием ноздрей».

Так-то промахнулся и стрелец Мишка с пророком Корнилкою. Корнилку отпустили, а Мишку отослали в Даурские остроги «на вечное житье».

II. Огненный змий о семи главах

Это было в 1728 году. Знаменитый Феофан Прокопович, архиепископ новгородский, доносил правительствующему синоду, что содержащийся в Москве в келейной конторе «по некоторому делу» села Валдая поп Михаил Иосифов объявил, что когда он содержался по тому же делу в новгородском архиепископском доме, при разряде, в конторе раскольниковых дел под арестом, то приходил к нему келейник Иаков Алексеев и говорил ему такие слова: «что-де было ночью на небе видение, якобы летал над новгородскою соборною церковью *змий огненный о семи главах*, который взялся от Ладоги и вился-де над тою церковью и над домом нашим (Феофана Прокоповича, архиепископским) и над Юрьевым и над Клопскими монастырями, а потом полетел к Старой Русе. И в том-де будет как дому, так и монастырям не без причины; которое-де видение и многие граждане видели, а кто именно – того не сказал».

Само собою разумеется, что раньше этого донесения синоду, когда Феофану Прокоповичу доложили только об этой болтовне про «огненного змия», он тотчас же велел разследовать – что и как. В новгородскую консисторию полетел указ: «вышеозначенного келейника Иакова о вышепоказанном видении допросить обстоятельно, и если дойдет до телесного розыска («телесный розыск» – хорошее выражение для пытки), то отослать к мирскому суду, куда надлежит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.